

Предисловие

В настоящее время продолжают споры о взаимоотношении науки и религии. Существует мнение, что религиозное мировоззрение не может признавать научные достижения, а ученые сплошь являются материалистами и отрицают веру в Творца. Ошибочность таких взглядов теперь доказана. Феофан Затворник писал: «Дух у нас один. Он же принимает и науки и напитывается их началами, как принимает веру и проникается ею. Нельзя достигнуть совершенства в познаниях, не содержа св. исповедания» [1, с. 7, 96]. А Ломоносов говорил: «Создатель дал роду человеческому две книги. Первая — видимый мир... Вторая книга — Священное Писание... Грех всевать между ними плевелы и раздоры».

Тот факт, что многие церковнослужители были одновременно великими учеными (например, Коперник († 1543), св. Митрополит Московский Иннокентий (Вениаминов, † 1879), аббат Мендель († 1884), священник Павел Флоренский († 1937), пастер В. Шмидт († 1954), архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий, † 1961), аббат Леметр († 1966) и др.), красноречиво свидетельствуют о лживости самой идеи борьбы религии с наукой (осуждение некоторых ученых в Средневековье являлось заблуждением, которое признано католической церковью) [2].

Вашему вниманию предлагаются воспоминания Льва Сергеевича Кишкина (1918—2000) — выдающегося русского ученого, доктора исторических наук, автора 13 опубликованных книг и более 500 статей, кандидата филологических наук, известного слависта, литературоведа и пушкиниста, заслуженного деятеля науки РФ, доктора наук об искусстве (ЧССР), а также Почетного гражданина чешского города Миротице. Л.С. Кишкин участник двух войн — советско-финской и Великой Отечественной.

Круг научных интересов Кишкина был чрезвычайно широк: литературные и культурно-исторические связи западных славян, их многолетние взаимоотношения с русской культурой; близка была Льву Сергеевичу и пушкинская тема; глубоко изучил он творчество известного чешского художника М. Алеша и влияние его на поколение молодых живописцев и продолжателей его традиций — М. Швабинского, Й. Лады, В. Фиалы и многих других; привлекали также его внимание проблема места литературы среди искусств и наук и пр.

Помимо основной работы, он занимался поисками пушкинских материалов в Чехии и Словакии. При его участии был создан Литературный музей А.С. Пушкина в Бродзанах (Словакия), он обнаружил в Праге и изучил книжную коллекцию из «Библиотеки для чтения» известного издателя и книготорговца XIX века А.Ф. Смирдина и приложил много усилий, чтобы вернуть дубликаты изданий в Россию. С 1954 г. до последних дней своей жизни Л.С. Кишкин был научным сотрудником Института славяноведения АН СССР и Российской Академии наук. Он известен как один из организаторов сравнительного изучения чешской, словацкой и русской литератур, много сделал для популяризации славистических исследований.

Вот некоторые его работы: «Очерки истории чешской литературы XIX—XX вв.» (древний период, Чех, Хладек, общая глава от конца 80-х годов до 1918 г.) (1968), главы о Хельчицком, Челаковском, Ванчуре и других чешских писателях. К наиболее значительным публикациям о чешско-русских связях принадлежат его статьи: «К вопросу о знакомстве Пушкина с культурой и общественной жизнью чехов и словаков» (1951), «Й.В. Сладек — поборник межслов'яньского литературного співробітництва» (1967), «Гуситская тема в русской художественной прозе» (1969), «Статья о русской литературе в Карлсбадском альманахе за 1831 г.» (1969), «Литературное наследие Коменского в России» (1971), «П.А. Вяземский и Чехия» (1973).

Интересны изыскания Л.С. Кишкина о Марии Всеволожей (1972), декабристе, чехе по происхождению В.И. Враницком

(1952), чешском скульпторе Вацлаве Кафке (1963), жившем в России, иркутском губернаторе — чехе В.Н. Кличке (1972), Св. Чехе и Лермонтове (1976), Г. Франке (1983), о русской эмиграции в Праге (1998) и др. Отклики в нашей и зарубежной печати имели книги «Чешско-русская литература и культурно-исторические контакты» (1983), «Чехословацкие находки» (1985), «Пушкин и Чехия» (2005). Л.С. Кишкин принимал участие в составлении и подготовке к печати таких известных трудов, как «Хрестоматия по чешской литературе XIX—XX вв.» (1958), «Антология чешской поэзии» (1959), «Жизнь и творчество Сватоплука Чеха» (1959).

В библиографии научных работ Л.С. Кишкина* значительное место занимают исследования по истории словацкой литературы и словацко-русских литературных связей. Для «Истории словацкой литературы» (1970) он написал обзорные главы о древнем периоде ее эволюции и монографические главы о творчестве поэтов Голого, Сладковича, И.О. Гвездослава и Краско. Кроме того, был опубликован ряд статей о Гвездославе и его отношении к русской литературе, о русских переводах Коллара.

Наряду с изучением чешской и словацкой литератур и их связей с русской литературой, Л.С. Кишкин написал целый ряд работ по теории и методологии сравнительного изучения литератур, опираясь в них на собственные конкретные исследования: «Заметки об изучении русско-чешских и русско-словацких литературных связей» (1963), «О формах и видах литературных связей» (1964), «Об изучении национальной образности в литературе» (1968), «Проблема национального образного мышления и методология изучения межславянских связей» (1968), «Образы изобразительного искусства и литература» (1973), «Вопросы национального своеобразия и сравнительное литературоведение» (1973), а также книги: «А.Ф. Смирдин» (1978), «Алешевские очерки» (1978) на чешском языке, «Чешско-русские литературные и культурно-исторические контакты» (1983),

* L.S. Kiskin. 1918—1978. Библиография работ Л.С. Кишкина. Прага, 1978. (Дополнена до 2000 г. Н.Б. Семихатовой.)

«Чехословацкие находки» (1985) «Бродзянское культурное наследие» (1981) на словацком языке.

Эти и другие работы нашли отклик в отечественном и зарубежном литературоведении (например, статья «О исследовании народного характера художественных образов в литературе»). Ученым были написаны несколько десятков рефератов и рецензий на чешские и словацкие книги и публикации в нашей стране, посвященные Чехии и Словакии. Неоднократно он выступал перед московской аудиторией с лекциями о своих поисках и находках. Кишкин часто посещал Чехословакию, работал в архивах и библиотеках, в том числе в Славянской библиотеке в Праге, а также в Теплице, Братиславе; выступал с докладами на всех послевоенных международных съездах славистов в Москве, Софии, Праге, Варшаве, Киеве и др.

По результатам работы в российских и чехословацких архивах Л.С. Кишкин опубликовал неизвестные корреспонденции чешских и русских писателей, связанных с Чехией (Жуковского, Тихонова-Лугового, Стахеева, Алтаевой-Ямщиковой и др.) [3]. Среди последних работ: «Словацко-русские литературные контакты в XIX веке» (1990), «Литературные связи» (1992), «Литература среди искусств и наук» (1994), «Честный, добрый, простодушный» (о А.Ф. Смирдине, 1995).

Множество работ Л.С. Кишкин посвятил А.С. Пушкину. Еще будучи студентом, написал и опубликовал в журнале «Новый мир» свою первую славистическую работу «Пушкин в Чехословакии» (1949). Ее создание было связано с большим интересом к русскому поэту, с одной стороны, и к чешской и словацкой литературе и культуре, — с другой. Среди работ о Пушкине: «Пушкин и Лермонтов в поэзии Сватоплука Чеха» (1976), «Пушкин и развитие чешской культуры» (1996), «Пушкин в переводах Челаковского и других чешских современников» (1999), «Пушкин и словацкая литература» (2000).

После кончины ученого (14 марта 2000 г.) вышли две его книги: «Пушкин и Чехия» (М., 2005) и «Люди Пушкинской поры» (М., 2008). В настоящее время в открытых хранениях музея А.С. Пушкина в Москве существует кабинет Л.С. Кишкина.

Он писал стихи сам, а также переводил стихи чешских и словацких поэтов на русский язык.

Как будто бы в степи затихшей грянул гром, —
Так твой звучал напев, какая жизнь кипела в нем!
Как много красоты и силы!
Твой гений дал плоды такие,
что молвишь — Пушкин! — слышишь: «Вся Россия!»
(пер. Я. Врхлицкого) [4].

Л.С. Кишкин внес большой вклад в современную науку, но не менее интересна другая сторона личности ученого — его отношение к религии, Православной Церкви.

В нашей книге представлены записи из дневников Л.С. Кишкина, которые раскрывают его религиозный опыт. Небольшая часть дневников о военном периоде его жизни опубликована в журнале «Исторический архив» № 2 (с. 20—52) и № 3 (с. 127—150) в 2005 г., где Лев Сергеевич назван «правдивым, легко ранимым, всей душой русским православным человеком, глубоко переживавшим как свою личную трагедию неустроенность России» [5].

В 1952 г. Лев Сергеевич женился на Наталии Борисовне Семихатовой, которая много лет проработала в геологических экспедициях геоморфологом. У нее сохранились письма Кишкина тех лет, а также ее собственные воспоминания, которые, с разрешения Наталии Борисовны, мы смогли использовать в этой книге. Она рано ушла на пенсию, активно помогала мужу в подготовке к печати его трудов, переводов, а после кончины Льва Сергеевича посвятила свою жизнь сохранению памяти о нем.

Л.С. Кишкин в своем кабинете. 80-е гг.

Из биографии Л.С. Кишкина

Лев Сергеевич Кишкин родился в селе Турки Саратовской губернии. Отец его, Сергей Павлович Кишкин (24.10.1886 — 13.01.1955), родился в имении своего отца в д. Студенка Саратовской губернии, принадлежал к древнему, восходящему к XIV веку роду, начало которому положил выходец из Польши Ассенбах Кишка. Расцвет рода Кишкиных пришелся на вторую половину XVII века, когда его представители были в Москве стольниками, стряпчими, воеводами, ходили в начальных людях [6].

Впоследствии среди предков Льва Сергеевича были военные, в том числе участники войны 1812 года, Крымской войны 1854—1855 гг., Русско-Турецкой войны, Первой мировой, а также священники, врачи, общественные деятели [5]. Сергей Павлович до революции был разъездным земским агрономом Союза сельхозкооперации в Турках, а затем научным сотрудником сельскохозяйственной опытной станции близ г. Уральска.

Мать, Надежда Сергеевна Кишкина (08.09.1889 — 19.02.1958), урожденная Строганова — «крестьянка деревни Павловка Галаховской волости Аткарского уезда Саратовской губернии, учительница». По преданию, которое сохранилось в семье, ее прадедом со стороны матери был чех, деревенский столяр Стружка, после революции 1848 г. приехавший в Россию. Более 50 лет проработала Надежда Сергеевна учителем в школе, преподавала математику, русский язык, литературу и немецкий язык.

Л.С. Кишкин писал: «Я родился в семье агронома и учительницы 19 марта 1918 года в 11 часов утра. Время для прибавления семьи было малоподходящее. Все пребывало в неопределенности и брожении. Люди жили в тревоге, не зная, что будет завтра. Не прошло и пяти месяцев после Октябрьского

переворота. Еще живы были отрекшийся от престола Царь и члены его семьи, сосланные Керенским в Тобольск. ...Восприемницей моей была акушерка, незадолго до этого принимавшая роды в Крыму у одной из сестер Царя.

Крестили меня 24 апреля (7 мая) 1918 года как лицо мужского пола священник Михаил Тихомандрицкий и дьякон Петр Норкин. Моими восприемниками, как сказано в “Выписи из метрической книги за 1918 год, выданной причтом Казанской Церкви села Турков Балашовского уезда Саратовской Епархии” были мои дяди, братья мамы “Саратовской губернии Аткарского уезда Галаховской волости крестьяне Иван Сергеев Строганов и Василий Сергеев Строганов и Казанской губернии Чистопольского уезда дворянка София Георгиевна Кацари”. Она была классной дамой в Чистопольской женской гимназии, где мама начала свой трудовой путь педагога, и где на всю жизнь подружилась с ней, хотя и была моложе по возрасту. София Георгиевна очень серьезно относилась к своим обязанностям крестной матери. Ее дедушка был генералом, героем Отечественной войны 1812 года, Андрей Аркадьевич Бахметьев, награжденный за взятие Парижа золотой саблей, флигель-адъютант Александра I». Миниатюрный портрет своего дедушки крестная передала матери Льва Кишкина, он хранился в семье Кишкиных, а теперь передан в Государственный музей А.С. Пушкина, в кабинет Льва Сергеевича.

Что же происходило в духовной жизни российского общества в эти годы?

24 января 1918 г. состоялось заседание Совнаркома «О закрытии домовых церквей при комиссариатах», на которых было постановлено предоставить каждому комиссариату право закрывать церкви в своих ведомствах [7].

После опубликования 20 января 1918 г. Декрета об отделении Церкви от государства и школы от Церкви народ протестовал, расклеивались прокламации с обращением к русскому народу: «Православные христиане! Начались гонения на православную веру. Некоторые храмы оскверняются, другие закрываются. Воспрепятствуют духовенству крестить и венчать, и

хоронить без разрешения комиссара. По всей Руси отбирают у духовного ведомства все типографии. Отныне нет в России больше места для напечатания богослужебных книг, Евангелий, молитвенников и т.п. Нет возможности перечислить всего кощунства и святотатства, но и этих примеров достаточно, чтобы у христианина застыла в жилах кровь! В приходах происходит запись лиц, желающих нести очередь по охране всероссийского патриарха Тихона. Во многих приходах, где запись уже закончена, наибольший процент записавшихся — рабочие и крестьяне» [8, л. 18].

Газета «Новая жизнь» писала в марте 1918 г.: «Попытка Советской власти одним ударом — изданием декрета — осуществить отделение церкви от государства, натолкнулось на неожиданное и сильное препятствие. Даже для городского населения реформа осталась малоубедительной и неприемлемой. Красногвардейские и солдатские способы проведения реформы в жизни еще более исказили ее истинное лицо, превращая в нелепую и ненужную войну с церковью и верой. Даже рабочие не отвернулись от Церкви. И, более того, за все время революции никогда не были так переполнены церкви, как после советских декретов» [8, л. 30].

Христиане пытались защитить Православие, направляя множество писем и телеграмм в адрес правительства [9]. «Русский народ, несмотря на свою темноту, еще хорошо сознает, что в нашей природе все не сводится к одному телу и его потребностям. В человеке есть и духовная сторона, которая получает свое полное удовлетворение в христианстве. Именно христианство, по свидетельству опыта жизни на протяжении 19 веков, может сильно подкреплять человеческий дух, прогонять в нем состояние малодушия и уныния, делать его способным спокойно переносить даже самые ужасные мучения, как это и обнаруживалось, например, в жизни христианских мучеников» [10], — писал в Совнарком член Всероссийского Церковного Собора Н.Д. Кузнецов. А вскоре в России появились и первые новомученики за православную веру, священнослужители и миряне. В мае 1918 г. в России началась Гражданская война.

В семье Кишкиных, где рос маленький Лель, как его звали домашние, часто собирались представители местной интеллигенции. Среди них упоминаются священник Евгений Знаменский*, земский врач, дворянин В.Д. Ченыкаев, материалы к биографии которого мы собираем уже несколько лет, художник С.П. Попов.

Евгений Иванович Знаменский родом из Поволжья, родился он в обедневшей помещичьей семье. После окончания сельской школы решил посвятить себя служению людям и поступил в Саратовскую духовную семинарию, которую окончил в 1896 г. Служил в Казанской Церкви Божией Матери села Турков, построенной в 1843 г. Как свидетельствует Клировая ведомость за 1912 г., «за ревностное служение Церкви Божией при честном поведении 27 января 1901 г. Преосвященным Епископом Саратова награжден набадренником, на что имеется свидетельство за № 15156» [12]. «Проповеди его отличались большим человеколюбием, призывали к добру и любви. Односельчане относились к нему и его семье с большим уважением и любовью, часто советовались с ним, делились своими бедами и радостями. На Пасху и Рождество священник Знаменский развозил продуктовые подарки от Церкви нуждающимся семьям, где не было кормильца», — вспоминает внучка Е. Знаменского, Вера Александровна Юнгера в статье «Священник под арестом» [13].

2 апреля 1922 г. в с. Турки Балашовского уезда священник Знаменский призвал верующих одобрить декрет правительства об изъятии церковных драгоценностей как меру, направленную на помощь голодающим [14]. Священник Е. Знаменский, как и отец земского врача В.Д. Ченыкаева — Д.Н. Ченыкаев, был членом Саратовского Православного Братства Св. Креста [15].

* ЗНАМЕНСКИЙ Евгений Иванович, 1873 г.р., урож. с. Вырыпаявка Аткарского района Саратовской области, священник кладбищенской церкви в Саратове, русский. Арестован 22.04.35 г. органами НКВД по обвинению в к/р деятельности. 16.11.35 г. Особым совещанием УНКВД по Саратовской области осужден к высылке в Сев. Край на три года. 27.04.89 г. реабилитирован по указу ПВС СССР от 16.01.89 г. [11, стр. 144].

Л.С. Кишкин рассказывает, что в первые годы советской власти провинциальная интеллигенция жила еще как бы по инерции, сохраняя старые традиции и устоявшийся уклад быта. «У нас в доме бывал священник Евгений Знаменский, добрый человек, который вел с нами, детьми, беседы, знакомил нас в доступной форме с основами Закона Божия. Но вскоре эти беседы прервались, это стало небезопасно и для батюшки и для мамы, которая работала в школе».

Тучи на общественном горизонте начали сгущаться. (Хотя в эти годы жители Турков старались сохранить традиции, праздновали Рождество и Пасху.) В дневнике есть запись, датированная 25 декабря 1989 г.: «Сегодня Рождество. Мысли улетают в детство, как светло и радостно было нам в этот день, как хорошо было нам у елки, на которой так волшебным, источая добро и покой на наши еще ничем не замутненные головы, мерцали свечи».

Такие елки, на которых присутствовал маленький Лева Кишкин, устраивал у себя дома для своей внучки Наташи* бывший революционер-народник и земский врач Владимир Дмитриевич Ченыкаев. Это тот самый врач, который говорил в своем докладе в период НЭПа, когда расцвет рыночной экономики совпал с сильным голодом: «Нельзя не отметить того факта, что резкие признаки голода обнаружились во многих уездах Саратовской губернии задолго до посева яровых хлебов, в то время, когда еще не имелось никаких оснований ожидать неурожая. Оказалось, что благодаря преступному усердию не по разуму продотрядов уже в марте во многих местах население было вынуждено питаться разного рода суррогатами, после того, как все хлебные запасы были отобраны. ...Это общегосударственное бедствие небывалого размера, напоминающее голодные годы времен Бориса Годунова и Алексея Михайловича в XVII веке. И

* Наталья Сергеевна Ломакина (1916—2005), — внучка В.Д. Ченыкаева, врач, участница Великой Отечественной войны, воевала в блокадном Ленинграде. Родилась в Турках и до старости поддерживала добрые отношения с Львом Сергеевичем Кишкиным. Дружили семьями.

перед таким огромным, вернее, ужасным народным бедствием, перед неимоверными страданиями, если не сейчас, то в *самом ближайшем будущем*, широких, воистину трудящихся масс населения не может не возмущать каждого из нас до глубины души появление ряда таких кричащих магазинов, как “Гастрономы”, торгующие самыми изысканными яствами, как 150-тысячные торты и всякого рода сласти, с дневной выручкой в десятки миллионов рублей. Поистине *пир во время чумы*. Нужно только удивляться той массе аморальных людей, с утра до ночи переполняющих подобные магазины, как будто не существует такого огромного народного бедствия, нет столько умирающих от голода в прямом смысле этого слова. ...Теперь рабоче-крестьянскому правительству незачем умять народные бедствия: оно не может не сознавать, что борьба с ним возможна и посильна лишь при искреннем единении всех живых сил страны, где “*несть эллина, раба или свободного*” и независимо от политических разногласий. Мы должны приложить все усилия, чтобы стереть корку равнодушия, подавленности и грозных признаков аморализма». Земский врач цитирует послание Апостола Павла к Колоссянам (Кол. 3, 11). Далее по тексту Священного Писания следует призыв «облечься в милосердие и благодать, смиренномудрие, кротость и долготерпение, снисходя друг к другу и прощая взаимно, если кто на кого имеет жалобу: как Христос простил вас, так и вы» (Кол. 3, 12—13) [16].

Такую пространную цитату мы приводим, чтобы показать духовный уровень людей, среди которых прошло детство Л.С. Кишкина.

В то время в стране проводилась активная антирелигиозная пропаганда. Учителей и врачей заставляли читать по приказу лекции на антирелигиозные темы и т.д. [17, с. 6]. 20 января 1918 г. был опубликован Декрет об отделении Церкви от государства, который легализовал гонения на Церковь, исключив ее из числа субъектов гражданского права. В марте 1922 г. Л. Троцкий составил программу по борьбе с Православной Церковью, согласно которой к концу 1922 г. обновленцам было передано около 2/3 всех действующих церквей [18, с. 9].

Л.С. Кишкин отмечает, что строгости позднейшего времени в середине 20-х годов не доходили до села, поэтому можно было на гуляньях молодежи (зарянках) услышать и такие частушки: «Я на бочке сижу, А под бочкой каша. Ленин Троцкому сказал: “Вся Россия наша”». Вот каким пренебрежительным было отношение народа к этим директивам. В феврале 1923 г. было объявлено, что «мать всех несчастий — религия (под несчастиями понимались война, мор, темнота, пьянство, суеверия и т.д.)» [19, с.36].

К числу врагов пролетариата относили бывших помещиков, генералов, офицеров, интеллигенцию вообще, духовенство. Методом принуждения предполагалось «выработать коммунистическое человечество из человеческого материала капиталистической эпохи» [20]. В 1923 г. было создано Всероссийское добровольное общество «Долой неграмотность». Школа становилась очагом коммунистического воспитания. Из учебных планов были исключены древние языки, Закон Божий и др. Педагогическая мысль была политизирована и направлена на воспитание строителя коммунизма в трудовой школе.

Русский народ не принимал насильственного навязывания безнравственной идеологии и продолжал верить в Христа Спасителя. Об этом свидетельствуют сами антирелигиозные издания. «Кто же сейчас верит в Бога? — Еще очень много крестьян и продолжают верить» [21, с. 41]. Л.С. Кишкин вспоминает такой эпизод. Однажды, катаясь с братом по льду замерзшего Хопра, Лева потерял из виду брата. На реке были полыньи, и он решил, что брат угодил в одну из них. «С большой тревогой я отправился домой, время от времени крестьян, прося Бога, чтобы все обошлось благополучно. Дома был переполох, побежали на реку, а там разыскали брата. Он катался где-то в стороне. У этого события было продолжение. Кто-то видел, как я шел и крестился, об этом стало известно в школе, где работала мама. Она была очень встревожена, но все обошлось». И хотя маленького Леву могли высмеять в школе за то, что он открыто крестился на улице, любовь к брату и упование на Бога оказались сильнее страха.

О праздновании Св. Пасхи: «Особую радость приносило празднование Пасхи. В пасхальную ночь возле Церкви бывали фейерверки, на опорных столбах ограды горели масляные плашки. И сейчас, много лет спустя, видятся мне и вынос Плащаницы, и вереницы возвращающихся из Церкви с горящими свечами людей. Похрустывал лед на весенних лужах. А впереди тебя ждал пасхальный стол, разговление. Все были в добром праздничном настроении, тогда еще многие христосовались и целовались».

Запись 10.04.1988: «Плывут воспоминания, как возвращались по морозцу после ночной службы домой. Как садились за красивый праздничный стол. А еще вспоминаются фейерверки у верхней церкви и горящие плашки — у нижней. Видятся люди со свечами, идущие вдоль церковной ограды. Всю пасхальную неделю мальчишки могли свободно подниматься на колокольню».

«В 20-е годы еще было принято обмениваться крашеными яйцами после восклицания “Христос Воскресе” и ответным “Воистину Воскресе!” В 30-е годы уже было не до окороков, а хоть бы свои 400 или 600 граммов хлеба суметь по карточкам получить. Большое удовольствие получали мы, мальчишки, от того, что всю пасхальную неделю нам разрешалось трезвонить на колокольне. Большой колокол был на ее первом ярусе, а более мелкие — на втором и третьем. Оказавшись вблизи от большого колокола после его первого удара, я не то чтобы был оглушен, но словно бы оказался охваченным со всех сторон густым, плотным, едва ли не материальным, торжественным звуком. Он словно накрыл меня сверху. Басовое торжественное звучание большого колокола сочеталось с веселым праздничным перезвоном меньших колоколов», — вспоминал Л.С. Кишкин.

Запись 22.04.1979: «Пасха — день, когда провозглашались слова: “Да воскреснет Бог, да расточатся враги Его”. А еще, помнится, — “Смертью смерть поправ”. Когда выходил Крестный ход, начинался торжественный праздничный колокольный перезвон. Как и Рождество, Пасха была одним из любимых русских народных праздников. Сходил снег, начинала зеленеть трава, пригревало солнце, голубело небо. Оживавшая

природа наполняла чувством радости бытия и доброты. Над пашней поднимался пар, по бороздам разгуливали грачи, в небе пел невидимый жаворонок. На улицу выходили нарядные приветливые люди. Все это соединялось во что-то целое, всех связывающее, радостное». Мы видим, что мальчик из советской школы, где уже началась жесткая антирелигиозная пропаганда, испытывал настоящую радость в Пасхальные дни.

09.12.1979: «Просматривая журнал “Русская литература”, встретил упоминание о “Тайной вечере” Леонардо да Винчи в связи с романом Булгакова “Мастер и Маргарита”. А мне вдруг пришло на память детство, когда я впервые, верно с помощью мамы, осознал содержание “Тайной Вечери” (у нас она была в овале, коричневая, на стекле). Вижу ее как сейчас и ясно помню, как поразило меня, поразило мой 8 — 10-летний ум то, что я знаю, где предатель с мешком, где его Учитель, которого он предал и который из-за него погибнет... Я знаю. А те, кто изображены за столом, всего, что будет, еще не знают. Передо мной были наглядные носители добра и зла. Помню, как размышлял о содержании картины, как чувствовал неприязнь к Иуде и вообще к предательству. Глядя в далекое прошлое и думая о настоящем, прихожу к выводу о том, как это хорошо, если дети видят картины, подобные “Тайной Вечере”, как это хорошо, когда родители объясняют им их содержание. Спасибо таким картинам, спасибо родителям, которые объясняют их содержание детям. Ведь почему-то я помню “Тайную Вечерю” вот уже 50 лет. Кто знает, возможно, и она предостерегла меня от каких-то действий, недостойных человека». (Эти слова хорошо бы услышать противникам введения основ Православной культуры в школе! — Н.А.)

Возможно, Надежда Сергеевна рассказывала сыновьям содержание картины по книге Волынского «“Тайная Вечеря” Леонардо де Винчи», в которой автор подробно описывает картину, раскрывает состояние всех двенадцати Апостолов, по-разному реагировавших на простые слова Христа, в зависимости от их человеческих качеств, блестяще показанных художником даже в позах, положении рук и т.п. Выписка из этой книги, сделан-

ная Львом Сергеевичем, которую она своей рукой подписала «В Балашове, где-нибудь 20-е годы», сохранилась среди ее архива. К этой выписке была приложена маленькая бумажная копия самой картины. А ту, которая висела у них в доме, «в овале, коричневая, на стекле», маленький Лева, как видим, запомнил на всю жизнь.

Лев Сергеевич вспоминает 24.12.1975: «Как-то шел на днях по улице и думал о счастье. Мало кто поверит, отчего я был однажды безмерно счастлив. Было мне тогда меньше десяти лет. Проснулся однажды утром и увидел, что мама обшила тряпкой мой мячик, коричневый шарик из коровьей шерсти. Вечером, ложась спать, я оставил маме записку: “Если любишь меня, то, пожалуйста, обшей мне мячик”. И пришедшая поздно уставшая мама обшила. Какая это была светлая, чистая радость. Почти пятьдесят лет прошло, а я все помню. Спасибо тебе, моя добрая, хорошая мама». Вот такой урок доброты получил в семье ребенок. Безмерная любовь к родителям прошла через всю жизнь Льва Сергеевича. Не было случая, чтобы в дневниках, которые он вел до конца дней, в день рождения своего он не обращался бы мысленно к ним. А в дни рождения и смерти родителей Лев Сергеевич всегда вспоминал о них в дневниках, до самого преклонного возраста совершал с женой Натальей Борисовной поездки в Уральск, посещал родные могилы.

Однажды, году в 1926-м, когда Леве было 8—9 лет, он без уведомления взрослых пошел фотографироваться, как был, в старой штопаной фуфайке. Возвращаясь от фотографа, заглянул в Церковь, где увидел череду людей, продвигающихся к священнику для причащения и не долго думая, присоединился к ней. «Священник дал мне ложку красного вина, дал просфору и, погладив по голове, что-то ласково сказал. С просфорой я и явился домой. Бабушка ахнула, узнав, что я причастился, не надев чистой нарядной рубашки, и долго журила меня». Какой вывод можно сделать из этого воспоминания? Православные в середине 20-х годов продолжали посещать Церковь, «чередой причащались», а бабушка отругала внука не за то,

что он сфотографировался в старой фуфайке, а за то, что посмел причаститься не в чистой рубахе.

Настоящая православная вера продолжала жить в народе и после революции. Кишкин вспоминает, что в 20-е годы, до начала всеобщей коллективизации, окружавшие волостное село Турки многочисленные деревни, как и самое село, во многом жили по-старому, соблюдая установившийся десятилетиями бытовой уклад, отмечая, как и прежде, традиционные церковные праздники. В начале 1927 г. журнал «Антирелигиозник» писал: «Местами крепнут православные приходы. Духовенство разных культов вступает в последнюю схватку, оно проявляет усиленную деятельность в области агитации и пропаганды, используя и церковный амвон, и частные беседы: в своей периодической прессе оно старательно реагирует на наши антирелигиозные выступления» [22, с. 4]. В 1928 г. в стране был выдвинут лозунг: «Борьба с религией есть классовая борьба; не должно быть ни одной школы в нашей стране, ни одной детской организации или учреждения, в которых не проводилось антирелигиозной работы, и в которых не существовало бы детского безбожного движения» [23, с. 5—58].

Началось массовое закрытие церквей. Разрушали монастыри, арестовывали монахов и монахинь, отправляли их в концлагеря. Иконы уничтожали тоннами. Разгул дикого вандализма вызывал в душах людей отвращение и ужас. Народ в большинстве своем оставался еще верующим и православным, но русские люди не имели уже сил постоять за себя [24].

В 1929 г., в связи с обострившейся политической обстановкой в стране и усилившемся гонением на дворянских потомков, семья Кишкиных была вынуждена покинуть Турки и переехала в Уральск. О том, что за ними придут, чтобы арестовать, предупредил сотрудник ГубЧК, один крестьянин, хорошо знавший Сергея Павловича как земского агронома. Семья отправилась, в сущности, в добровольную ссылку в Западный Казахстан, где первое время пришлось жить в землянках, а все оставшееся имущество в Турках было разграблено, дом без хозяев сожжен разгневанными гонителями.

Конец ознакомительного фрагмента.
Для приобретения книги перейдите на сайт
магазина «Электронный универс»:
e-Univers.ru.